

Антонъ Владиміровичъ Карташевъ

Исполнившееся 11 (24) іюля 1955 г. восьмидесятилѣтіе А. В. Карташева обнимаетъ собою цѣлую эпоху. Въ его дѣтской памяти врѣзались убійство Императора Александра II, пережитое имъ въ невозмутимой тишинѣ русской провинціальной глуши. И онъ же въ наши дни своимъ нестарѣющимъ духомъ откликается — живѣе, чѣмъ многіе молодые — на происходящее въ мірѣ въ исходѣ второй міровой войны. Но мало того, что эти восемьдесятъ лѣтъ составляютъ цѣлую эпоху, на протяженіи которой жизнь міра измѣнилась до неузнаваемости. Въ своемъ православномъ воспріятіи исторіи Антонъ Владиміровичъ сообщаетъ этому пестрому содержанію внутреннее единство. И потому его восьмидесятилѣтіе выходитъ за тѣсные предѣлы дружной ученой семьи. Посвящая своему старѣйшему члену настоящую книжку «Православной Мысли», Совѣтъ Богословскаго Института переживаетъ этотъ домашній праздникъ, какъ событіе общественное, на которое не могутъ не отозваться ни Русская Зарубежная Церковь, ни Русская эмиграція вообще.

Прежде всего, чисто внѣшне, Антонъ Владиміровичъ есть то звено, которое соединяетъ нашъ Богословскій Институтъ съ духовной школой русского дореволюціоннаго прошлаго. Онъ ее прошелъ всю, снизу доверху, отъ духовнаго училища до С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ, по окончаніи курса, былъ и преподавателемъ: и. д. доцента по кафедрѣ Исторіи Русской Церкви. Рѣшившись оставить Академію, онъ поступилъ въ 1905 г. на службу въ Петербургскую Публичную Библіотеку и былъ избранъ преподавателемъ Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ (Бестужевскихъ) Курсовъ по кафедрѣ Исторіи Религій и Церкви. Не только его преподаваніе на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, но и его работа въ Публичной Библіотекѣ имѣла характеръ научный. Въ свои студенческіе годы я очень много слышалъ объ Антонѣ Владиміровичѣ отъ знакомыхъ курсистокъ, цѣнившихъ его лекціи чрезвычайно высоко. Но познакомился я съ нимъ только по окончаніи Университета, когда я былъ одновременно оставленъ при Университетѣ для подготовки къ профессорскому званію и причисленъ къ Публичной Библіотекѣ въ качествѣ «вольнотрудящагося» по отдѣленію Богословія. Это было въ сентябрѣ 1914 г. Моимъ первымъ начальникомъ по службѣ былъ Антонъ Владиміровичъ. Мнѣ было тогда двадцать два года. Я увидѣлъ Антона Владиміровича за его работою ученаго библіотекаря и могу засвидѣтельствовать, что пополненіе библіотеки научно-богословской литературой въ размахѣ старой дореволюціонной Россіи

было ученой заслугой Антона Владиміровича, зорко слѣдившаго за специальной библіографіей и не отстававшаго отъ движенія науки. Всѣмъ намъ извѣстный богословскій «энциклопедизмъ» Антона Владиміровича уже тогда поражалъ его сотрудниковъ. Опытъ бѣженства, открывшій намъ заграничныя книгохранилища, показалъ намъ, что въ послѣдніе предреволюціонныя годы, Богословское Отдѣленіе Петербургской Публичной Библіотеки стояло на бѣльшей высотѣ, и его книгохранилища были богаче.

Научная работа Антона Владиміровича была временно оборвана революціей. Назначенный Товарищемъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, онъ ушелъ изъ Публичной Библіотеки. Послѣдовали дальнѣйшіе трагическіе этапы: Оберъ-Прокуроръ, Министръ Исповѣданій Временнаго Правительства послѣднихъ составовъ, Октябрьская революція, Петропавловская крѣпость, почти чудесное спасеніе отъ гибели, бѣгство за границу... Но за границую и возвращеніе къ научно-богословской работѣ. Она развернулась въ нашемъ Институтѣ. Для Антона Владиміровича онъ былъ прямымъ продолженіемъ старой русской духовной школы, которая его вскормила, и которой онъ отдавалъ свои силы. Не лишено знаменательности, что наименованіе нашего Богословскаго Института Свято-Сергіевской Духовной Академіей произошло по инициативѣ Антона Владиміровича, и названіе это Антонъ Владиміровичъ употребляетъ чаще, чѣмъ его употребляютъ другіе.

Временно прерванная революціей и возобновившаяся въ Парижѣ, учено-богословская работа Антона Владиміровича уходитъ своими корнями въ его русскіе духовно-академическіе годы. Это не новое дѣло, а то же самое, и Антонъ Владиміровичъ въ своемъ лицѣ являетъ живую связь старой и новой русской духовной школы. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что въ новой школѣ Антонъ Владиміровичъ, по слову ап. Павла (I Кор. XV, 10), потрудился больше насъ всѣхъ. Не составляетъ исключенія и о. Сергій Булгаковъ, котораго безвременная смерть давно уже вырвала изъ нашихъ рядовъ. До открытія нашего Института Антонъ Владиміровичъ работалъ надъ его основаніемъ. Съ первыхъ же лѣтъ его дѣятельности онъ къ своему основному предмету, Исторіи Церкви, прибавилъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующаго преподавателя, и много лекцій по Ветхому Завету. А въ грозные дни начала второй міровой войны, когда иностранные жертвователи, обеспечивавшіе содержаніе Института, склонялись къ мысли о неизбежности его ликвидаціи, — упадокъ духа внѣ и внутри Института былъ побѣжденъ твердой волей Антона Владиміровича, которая восторжествовала и надъ внѣшними трудностями и отстояла Институтъ. Это его незабываемая заслуга. Институтъ пробился черезъ годы военной скудости и дожидъ до новаго расцвѣта по окончаніи войны.

Къ этому надо добавить, что ни у кого изъ насъ нѣтъ столько учениковъ, какъ у Антона Владиміровича. Его научное руководство цѣнятъ и его ищутъ. И его дѣло ученики его продолжаютъ не только по Исторіи Церкви, но и по Ветхому Завету, и не въ одной Европѣ, но и въ Америкѣ. Маленькая, но характерная подробность. Перегруженность нашей программы заставляетъ насъ цѣнить случайно освобож-

дающіеся часы почему-либо отсутствующих преподавателей. Но прежде, чѣмъ о ихъ освобожденіи успѣютъ узнать другіе, они, по большей части, уже бываютъ заняты Антономъ Владиміровичемъ: даже въ его восемьдесятъ лѣтъ!

Но Антонъ Владиміровичъ не только живое звено, связующее высшую духовную школу русскаго разсѣянія съ рассадниками духовнаго просвѣщенія дореволюціонной Россіи. Помимо его воли и вопреки его собственнымъ ожиданіямъ, русская революціонная буря вынесла его въ самые первые ряды строителей новой Россіи. Какъ Министръ Исповѣданій Временнаго Правительства, онъ открывалъ отъ имени государства въ торжественномъ засѣданіи въ Храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ Помѣстный Соборъ Русской Церкви. Можно по-разному судить о дѣлѣ Московскаго Собора 1917/18 годовъ. Но каноническая жизнь Русской Церкви и на родинѣ и за рубежомъ текла эти послѣднія десятилѣтія, пускай съ перебоями и отступленіями, но по тѣмъ путямъ, которые были проложены Соборомъ. Дѣятельнымъ членомъ Собора оставался Антонъ Владиміровичъ и въ 1918 г., когда онъ, по освобожденіи изъ заключенія, жилъ на нелегальномъ положеніи въ Москвѣ. Этой дѣятельности скоро пришелъ конецъ, какъ онъ пришелъ, еще раньше, и его политической дѣятельности въ Россіи. Но и та и другая продолжались въ эмиграціи. Напомнимъ, что Антонъ Владиміровичъ былъ Предсѣдателемъ Русскаго Національнаго Комитета сначала въ Финляндіи, потомъ въ Парижѣ. Его активное участіе въ Епархіальныхъ Собраніяхъ и въ Епархіальномъ Совѣтѣ Русскаго Экзархата Вселенскаго Престола въ Западной Европѣ тоже должно быть отмѣчено. Тѣмъ самымъ заграничное служеніе Антона Владиміровича оказывается служеніемъ не только русскаго богословскаго наукѣ, но и Русской Церкви въ широкомъ смыслѣ слова и русскому народу. Антонъ Владиміровичъ неустанно слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ въ Россіи. Онъ чувствуетъ Россію такъ, какъ ее почти никто теперь не чувствуетъ. И новые эмигранты легко находятъ съ нимъ общій языкъ. Странно сказать, въ свои восемьдесятъ лѣтъ и послѣ тридцати семи лѣтъ эмиграціи, онъ остается живою связью русскаго зарубежья не только съ духовнымъ просвѣщеніемъ старой Россіи, но и съ Россіей вообще: съ Россіей минувшихъ лѣтъ и съ теперешней подъяремой Россіей.

Общественная дѣятельность Антона Владиміровича извѣстна всѣмъ. Можно сказать, что русское зарубежье знаетъ его именно какъ общественнаго дѣятеля и какъ яркаго политическаго оратора. Въ широкихъ кругахъ русскаго разсѣянія его обликъ ученаго православнаго богослова и работника на нивѣ церковной менѣ извѣстенъ, чѣмъ его политическое лицо. И даже близко знающіе его нерѣдко ставятъ вопросъ, есть ли внутренняя органическая связь между тѣмъ и другимъ. Можно ли говорить объ общемъ источникѣ его богословія и его политики, о ихъ существенномъ единствѣ? Многіе на этотъ вопросъ отвѣчаютъ отрицательно: пріемлютъ и любятъ въ немъ богослова и рѣшительно отрицаютъ его какъ политика. На этотъ вопросъ постараюсь отвѣтить и я. Или точнѣе, свой утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ я, въ сущности, уже далъ: въ самомъ началѣ настоящей замѣтки. Постараюсь его обосновать.

Не очень давно, на вопрос одного из профессоров нашего Института студенты старшего курса сказали ему, что чувствуют идеологическое единство своих наставников, каковы бы ни были наши индивидуальные различия. Думаю, что это верно. Исключения, конечно, есть. Но православное мироощущение и богословское мировоззрение старших членов нашей профессорской коллегии, несомненно, одно и то же.

Когда-то в пылу полемики, покойный о. Сергий Булгаков пустил крылатое слово: «Парижское богословие». Слово это было неудачное. Вырвавшись в полемику, оно обострило полемику и было обращено против насъ. Но оно неверно и по существу: никакого «Парижского богословия» не было и нетъ. Есть православное богословие, котораго мы держимся, и которое мы все исповѣдуемъ. Оно покоится на Преданіи, и въ вѣрности Преданію ищетъ рѣшенія тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые ставятъ жизнь: ставить всегда, а по временамъ съ особою силой.

Тотъ же о. Сергий свидѣтельствовалъ, что и въ пору своего марксизма и въ годы своего дѣятельнаго служенія Церкви, служенія богослова и священника, онъ болѣлъ одной и той же проблемой. Эта снѣдавшая его проблема была проблема міра. Онъ искалъ ея рѣшенія въ социализмъ, онъ пытался ее осмыслить въ системѣ православной соціологии. Эта же проблема міра стоитъ и въ центрѣ исканій А. В. Карташева. Онъ обозначаетъ эти исканія иначе, чѣмъ о. Сергий. Но его исканія и исканія о. Сергія — одни и тѣ же. Для Антона Владиміровича это — борьба за Халкидонскій догматъ. Опредѣленіе Четвертаго Вселенскаго Собора 451 г. въ Халкидонѣ о соединеніи Божественнаго и человѣческаго естества в лицѣ Богочеловѣка Иисуса Христа: «несліянно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно» направлено противъ монофиситовъ, но исключаетъ изъ церквей огады и несторіанъ. Подъ знакомъ этой борьбы за Халкидонскій догматъ прошла вся сознательная жизнь А. В. Карташева, какъ православнаго богослова и церковнаго дѣятеля. Онъ ее велъ и въ свои молодые годы до революціи и до первой войны, какъ предсѣдатель С.-Петербургскихъ Религіозно-Философскихъ Собраній, въ послѣдствіи превратившихся въ Религіозно-Философское Общество. Въ нѣдрахъ этого общества у него были союзники, болѣе крайніе, чѣмъ онъ, воззрѣнія которыхъ онъ не раздѣлялъ и раздѣлять не могъ. Достаточно назвать имена Д. С. Мережковскаго и В. В. Розанова. Но фронтъ былъ общій, и направленъ былъ этотъ общій фронтъ противъ монофиситскаго отрицанія міра и его несторіанскаго самодовлѣнія. Борьба за Халкидонъ была борьба за міръ.

Помню наши первыя встрѣчи осенью 1914 г. Я съ дѣтства получилъ религіозное воспитаніе, навсегда опредѣлившее мою жизнь, но среда, изъ которой я вышелъ, была свѣтская, далекая отъ стараго православнаго быта, школу я прошелъ тоже свѣтскую, и мое религіозное пробужденіе въ послѣдніе университетскіе годы не было еще отмѣчено сознаніемъ дѣятельной принадлежности къ Церкви. Оно имѣло скорѣе неопредѣленно-протестантскія черты. Но оно было бурно, оно рвалось наружу, и я вспоминаю, на книжныхъ галлереяхъ Публичной Библиотеки, наши длинные разговоры съ Антономъ Владиміровичемъ. Я насту-

паль. Онъ слушалъ. И у меня въ памяти остались его реплики: «Не понимаю. Не могу понять. Вѣроятно, я такъ плохо устроенъ... Но не могу понять». Онъ не могъ понять этого отрѣшеннаго отъ жизни и отъ міра Христіанства, далекаго отъ Православной полноты. Я искалъ, я пробивался черезъ какую-то стѣну. И когда я пробился, мнѣ стало постепенно ясно, что путь мнѣ былъ указанъ недоумѣнными вопросами и грустными замѣчаниями Антона Владиміровича. Онъ былъ тѣмъ чело-вѣкомъ, который вывелъ меня на православные просторы. Это было со-рокъ два года тому назадъ.

Подъ знакомъ борьбы за Халкидонъ стоитъ и его послѣдняя книжка: «Возсозданіе Св. Руси» (Парижъ, 1956). Эта книжка — богословско-политическая. Призывъ строить православное государство есть та же борьба за Халкидонскій догматъ, за единое догматическое основаніе христіанской вѣры и христіанской жизни. Въ эту догматическую глубину уходятъ корни Карташева - богослова и Карташева - политика. И даже не корни, а корень, ибо основаніе едино, и въ своемъ служеніи богослова и въ своемъ служеніи политика Антонъ Владиміровичъ остается одинаково вѣренъ Халкидонскому догмату, какъ выражающему его — наше общее! — христіанское сознаніе. Это не «Парижское богословіе». Это — истина Православія, которой мы всѣ служили и служимъ.

Послѣдняя (VIII) глава «Возсозданія Св. Руси» озаглавлена: «Размежеванія», и въ первомъ параграфѣ полемическое остріе направлено противъ меня, противъ моей книжки «Царство Кесаря предъ судомъ Новаго Завѣта». Въ этой полемикѣ есть и явное недоразумѣніе. Сознвая за христіаниномъ долгъ труда «надъ Царствомъ міра», я понималъ «надъ царствомъ міра», какъ дополненіе, а не какъ обстоятельство. Я отнюдь не думалъ объ отрѣшеніи отъ міра, о **возвышеніи надъ міромъ** (такъ — «Возсозданіе», стр. 170, 174). Нѣтъ, я мыслилъ міръ, какъ объектъ труда. Такъ трудится чело-вѣкъ **надъ** разрѣшеніемъ той или иной задачи, **надъ** книгой, **надъ** картиной, и т. п. Другого значенія предлогъ «**надъ**» для меня въ этомъ сочетаніи не имѣлъ. Но и не въ этомъ дѣло. Я сознаю себя въ политикѣ такимъ же непримиримымъ антикоммунистомъ какъ и Антонъ Владиміровичъ. Мнѣ случалось публично обличать коммунизмъ, какъ «чистое» — абсолютное! — зло. Не бьетъ ли Антонъ Владиміровичъ мимо цѣли? Не видитъ ли онъ противника въ единомышленникѣ и союзникѣ? Но подумавши, я готовъ признать, что онъ правъ. Я не могъ и не могу преодолѣть своего пессимизма. Я продолжаю думать, что государство тоталитарно въ своемъ существѣ, и потому противоположно Христу, и всякая работа надъ государствомъ, лежащая на насъ, какъ долгъ, въ то же время неизбѣжно обречена на неудачу. Антонъ Владиміровичъ этого пессимизма не раздѣляетъ. И, вѣроятно, онъ правъ. Его правота есть та же вѣрность Халкидонскому догмату. Я готовъ искать въ Халкидонскомъ догматѣ ключъ къ тайнѣ Церкви и къ тайнѣ Богодухновенности Священнаго Писанія. Антонъ Владиміровичъ его находитъ ко всему православному дѣланію въ мірѣ. Если цѣль домостроительства Божія есть обоженіе твари, если мы чаемъ воскресенія мертвыхъ въ славѣ «тѣла духовнаго» (I Кор. XV,

44), — на насъ лежитъ долгъ итти къ этой предуказанной цѣли и путемъ собственной работы, собственнаго усилія. На этомъ пути, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣланіи, неизбежны ошибки, срывы, паденія. Никто не станетъ утверждать — и самъ Антонъ Владиміровичъ меньше, чѣмъ кто-либо, — что въ его политическомъ служеніи не было такихъ ошибокъ. Но рѣчь идетъ именно о служеніи. И цѣль этого служенія, предуказанная Халкидонскимъ догматомъ, сообщаетъ его жизни то замѣчательное единство мысли и дѣла, въ которомъ богословіе и политика раскрываются, какъ два аспекта одного и того же жизненнаго подвига.

Антономъ Владиміровичемъ написано очень много. Списокъ изданнаго имъ весьма длинный. Но это, по большей части, статьи или небольшая брошюра. Только сейчасъ начнутся печатаніемъ его двухтомные «Очерки по Исторіи Русской Церкви», настоящій подарокъ русской исторической и богословской литературѣ. Вообще же научный трудъ Антона Владиміровича выражается въ его преподаваніи. Уровень его преподаванія всегда былъ и остается чрезвычайно высокимъ. Я разумѣю не только необычайную увлекательность его лекцій, но прежде всего ихъ научныя достоинства. И та же вѣрность Халкидону, который утверждаетъ право человѣческаго начала, обязываетъ Антона Владиміровича къ тщательности критическаго анализа, который иногда смущаетъ робкія души, и даже не однѣ только робкія. Я разумѣю его активную рѣчь: «Ветхозавѣтная библейская критика», вышедшую отдельной брошюрой в 1947 году. На нее болѣзненно реагировалъ и такой безстрашный человѣкъ, какъ покойный Митрополитъ Евлогій. Владыка былъ, конечно, неправъ. Можно соглашаться или не соглашаться съ тѣми конкретными результатами, къ которымъ пришла или приходила библейская наука въ Западной Европѣ. Теорія Велльгаузена о происхожденіи Пятокнижія вызываетъ и чисто-научныя возраженія. Но нельзя отрицать за ученымъ богословомъ права критическаго изслѣдованія, исканія человѣческихъ истоковъ богодуховенныхъ писаній. Тѣмъ болѣе, что вѣрность Антона Владиміровича Халкидонскому догмату утверждаетъ не только право человѣческаго начала, но и примать Божественнаго. Этимъ приматомъ Божественнаго начала отмѣчено все служеніе Антона Владиміровича. Ему вѣрна и его библейская работа. Съ какою силою онъ проступаетъ въ этой книжкѣ, которая вызвала столько толковъ.

Еще о списокѣ трудовъ Антона Владиміровича. Обращаетъ на себя вниманіе большое количество статей на острия злободневныя темы. Но въ нихъ-то и находитъ свое выраженіе общественный темпераментъ Антона Владиміровича. И можно сказать, что этотъ списокъ получаетъ свое существенное завершеніе въ его «Возсозданіи св. Руси», въ которомъ Антонъ Владиміровичъ даетъ законченную формулировку своего религіозно-общественнаго міровоззрѣнія. Антонъ Владиміровичъ — практикъ. Онъ сознаетъ за собой долгъ строить жизнь. Но его практицизмъ никогда не переходитъ въ приспособляемость. И въ этомъ — тайна его вліянія. Я разумѣю вліяніе не научное, а духовное.

Вопросъ о духовномъ вліяніи Антона Владиміровича есть особый

вопросъ, требующій нашего вниманія. И прежде всего: на кого онъ вліяетъ? Не будемъ скрывать того, что есть. Русская зарубежная молодежь, родившаяся за границей, — иного духа. Россіи она не знаетъ, и представленія ея о Россіи нерѣдко слагаются подъ воздѣйствіемъ иностранныхъ наблюдателей, по большей части весьма поверхностныхъ и зачастую безотвѣтственныхъ. Къ тому, что думаетъ о Россіи старшее поколѣніе эмиграціи, эта молодежь часто относится свысока, съ снисходительнымъ презрѣніемъ, какъ къ чему-то уже осужденному исторіей и обреченному на отмираніе. Съ другой стороны, и въ иностранной средѣ эти молодые люди не являются вполне своими. Но жизнь ихъ практически связана съ этой средой, и въ ней они прокладываютъ себѣ дорогу тяжелой борьбой за существованіе. На нихъ Антонъ Владиміровичъ не имѣетъ вліянія. Для нихъ онъ слишкомъ прямолинеенъ. Его безкомпромиссность имъ непонятна. Его водительства съ любовью ищутъ новые люди, тѣ, которые пришли изъ Россіи послѣ второй войны. Этимъ мало понятна русская зарубежная молодежь, и наоборотъ, ихъ покоряетъ «русскость» Антона Владиміровича, его вѣрность Россіи и православной правдѣ, свѣтлая мудрость его старости. Они тоже люди дѣла, и они знаютъ, что въ Россіи господствуетъ «чистое» зло, съ которымъ не можетъ быть сдѣлки. Несмотря на разницу лѣтъ и культуры, у нихъ съ Антономъ Владиміровичемъ общій языкъ.

Его старческая мудрость научила его прощать. Карьеризма онъ не терпитъ, но въ каждомъ человѣкѣ онъ умѣетъ найти то, что составляетъ его положительную цѣнность. И какъ часто онъ съ любовью открываетъ дорогу людямъ иного духа, ради ихъ собственной пользы и ради пользы общества, которому они могутъ послужить и, служа, научиться сами. Учитель науки и политической борецъ, онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе становится христіанскимъ учителемъ жизни.

Трудно писать о живомъ. А мы всѣ искренно и молитвенно желаемъ Антону Владиміровичу многая лѣта. Но, все-таки, я не могу удержаться отъ вопроса: что же для него главное? Для него и въ немъ? Послѣ того, что было сказано, вопросъ можетъ показаться празднымъ. Если мнѣ удалось установить внутреннее единство его духовнаго облика, можно ли говорить о главномъ? Допустить наличность главнаго и второстепеннаго не значить ли нарушить то единство, о которомъ была рѣчь? Но начало единства я искалъ и, мнѣ думается, нашелъ въ области идеологической. Я старался подчеркнуть вѣрность Антона Владиміровича Халкидонскому догмату, какъ исходную точку его богословія и его православной политики. Но бываетъ, что человѣкъ выражаетъ всего себя однимъ словомъ, однимъ жестомъ, однимъ движеніемъ. Это выраженіе не противорѣчитъ идеологіи, но оно выражаетъ то, что стоитъ за идеологіей, что первѣе идеологіи.

На вопросъ: что главное въ Антонѣ Владиміровичѣ? — я отвѣчу однимъ образомъ: церковь Сергіевскаго Подворья, и въ ней Антонъ Владиміровичъ, восьмидесятилѣтній, на клиросѣ студенческаго хора. Регентъ, изъ студентовъ одного изъ недавнихъ выпусковъ, еще совсѣмъ молодой, знаетъ, что Антонъ Владиміровичъ приходитъ раньше другихъ и не пропускаетъ никогда.

Что это: только быть, чистая эстетика, чарующая, но не обязывающая? Критики Антона Владиміровича иногда такъ думаютъ. Но думающіе такъ глубоко заблуждаются. Этотъ образъ есть символъ полноты церковной жизни, которой Антонъ Владиміровичъ дышитъ. Церковь эта та стихія, безъ которой онъ не можетъ жить. Строя жизнь, онъ ее строитъ изъ Церкви: отправляясь отъ Церкви. Онъ строитъ Церковь.

Епископъ Кассіанъ.

Апрѣль 1956.
Сергіевское Подворье
въ Парижѣ.